

Однажды — это было в середине зимы — я услышал песню на слова Леонида Кривошекова. Исполнялась она под гармонику, задушевно и тепло, и, признаюсь, в ту минуту мне подумалось: вот так же могла звучать она где-нибудь на солдатском биваке под Чернигом или на берегу Днепра, или на Эльбе в грозную, суровую годину войны. О чем была песня? О любви, о нежности, о поколении, ушедшем в бес-
смертие.

СЛОВА песни мог написать человек, для которого ухабистые дороги к передовой не поэтический образ, а реальность недалекого прошлого. Дороги остались далеко за горизонтом, но они, словно нерубящаяся рана, жгут огнем воспоминаний усталое сердце.

Л. Д. Кривошеков ушел на фронт от алтайских полей, ушел едва отметив восемнадцать. Это тот возраст, когда человек только-только становится на ноги, и уж во всяком случае не думает о смерти. Он и не думал о ней, но гораздо позже, когда пришло время осмысления, сказал: ведь и впрямь она бродила рядом. Как тут не вспомнить воистину правдивые слова: «Чтоб стать поэтом, мало им родиться, как стать железом, мало быть рудой. Тут надо переплавиться, разбиться, и как руда пожертвовать собой».

Война явилась для поколения Л. Д. Кривошекова испытанием на прочность, при котором любая фальшь, любая подделка отпечатывалась так ясно и четко, что ее можно было увидеть на расстоянии. Не потому ли так требователен и так строг к выбору слова поэт, пишущий о том времени? Не потому ли он не спешит ошарашить неискущенного читателя вычурностью строк, неуправляемостью рифмы? А для чего ему это? Разве не видел он, как просто умирал солдат во время атаки?

Ровесник мой,
Он вдруг в бою отстал.
Качнулся,
Шаг еще к заветной цели,
И, словно крылья,
Руки распахнул.
Упал...
И обнял дорогую землю.
Эти строки написаны, мож-

* «Признание в любви»
Избранное Л. Кривошеков,
«Жазуши», Алма-Ата, 1983.

но сказать, по горячим следам войны. Но и сейчас, через тридцать семь лет, Леонид Данилович скажет об этом в поэме «Солдатская память» так же просто и ясно: Поколение мое!..

Нас, мужчин, говорят,
Три процента в живых
осталось.

Да и тем не грозит
Долголетняя старость.
А когда-то в огонь
Шли колонны ребят,
Презирающих смерть
и усталость.

приходилось слышать, как читают его стихи юноши и девушки. Они не забывают о том, что, побывав на Луне, человек осознал всю уязвимость планеты по имени Земля, они живут в этот миг истории — и за каждой ее страницей видят уверенные шаги нынешней действительности.

Юноши и девушки ловят в стихах Л. Кривошекова не только истоки небывалого взлета страны, они соперничают вместе за гибель каждого человека, в том числе и его неизменных героев Петьки Свиридова и Вани Калгина. Они читают стихи, как читал бы их сам поэт, и в этом уже есть высокая оценка творчества.

ностальгией,
Но не столько болез,
Сколько жив!
Жив тоской безмерной по
России,
По березам солнечным во
ржи...
Но и эту родину, другую,
Мне теперь уже не
разлюбить
И не променять ни на
какую,
Даже на Россию, может
быть...

Так мог сказать только подлинный патриот своей большой Родины, для которого каждый ее уголок не только свят, но и посылновни дорог, и эти слова поэта мог бы с искренностью неподдельной повторить каждый человек, хоть сколько-нибудь узнавший щедрость земли, раскинувшейся от Каспия до Алтая. Эта земля достойна того, чтоб любить ее беспрдельно.

Творческие пути неоднократно приводили Леонида Даниловича и на восток Казахстана. Его покорила величавая краса его гор, беспредельность степей, удаль рек. Он немало лучших своих строк посвятил Рудному Алтаю и его людям. Достаточно привести только перечень названий стихов из сборника поэта «Признание в любви», выход которого послужил поводом для этих заметок. Вот они — эти названия: «В горах Алтая», «На Иртыше», «Беловодье», «Ульбинка» и многие другие. Кстати, об «Ульбинке»: я не знаю, написана ли музыка на эти стихи профессиональным композитором, но в селе Тарханке мне довелось слышать, как в ночи выводил нежный девичий голос такие слова:

Ах, Ульбинка-голубинка,
Речка быстротечная,
Коротка ее тропинка,
А дорога вечная.

К поэзии рано или поздно приходит каждый человек. Один ищет в ней ответы на вопросы, которые ставит жизнь, другой увлекается силой образов, третий ловит отклик на душевные порывы. Разные требования определяют неодинаковый взгляд на те или иные стихи. Но у каждого поэта есть строки, которые воспринимаются всеми людьми, или во всяком случае большинством их, однозначно. У Л. Кривошекова и отнес бы к таким его слова, посвященные второй родине — Казахстану. Вот они:

Я, конечно, болен

Отточенность, простота и: я бы сказал, особая задушевность стихотворений поэта покоряет. Им веришь от начала до конца. К этому располагает и искренний тон разговора, который Л. Кривошеков ведет с читателем вот уже почти сорок лет. Мы за каждой его строкой чувствуем умудренного жизнью человека. Разве не подтверждают эту мысль, скажем, такие строки:

Не суетись,
Подумай о грядущем,
Не так далек он,
Твой последний вздох...
Ты — человек,
И ты же — все могущий
И все творящий в этом

мире

Бог.
Как поэт Л. Кривошеков известен, без сомнения, трем поколениям людей, в том числе и самому молодому, пришедшему в этот мир на заре космического взлета. На студенческих вечерах не раз

Слово никогда не прячется за дерматином обложки. Оно найдет выхода к людям, и если это слово искреннее, то всегда находит отклик в душе. В этом смысле Л. Кривошекову повезло: его любят и ценят в Казахстане, и новые сборники не залеживаются на прилавках магазинов. А что может быть приятнее для поэта, каждое стихотворение которого, если перефразировать слова Т. Шевченко, его дитя.

М. НОВИКОВ.